

ПЕТР КУСЛИЙ*

ИСТИНА КАК СООТВЕТСТВИЕ И НЕПОТАЕННОСТЬ БЕЗ САМООВМАНА И МИСТИКИ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-308-320.

Когда речь заходит о Хайдеггере, в аналитической философии языка бытует практика своеобразных критических кавалерийских атак на содержание его концепции. Эти атаки имеют свою историю, восходящую к нападкам на Хайдеггера со стороны Р. Карнапа (Карнап, Кезин, 1998). Нередко в качестве цели подобных атак выступают вводимые Хайдеггером неологизмы, и тогда апелляция к общепринятому языковому употреблению и той теории, которую проповедуют атакующие, используется критиками для анализа утверждений Хайдеггера или иных оппонентов. Демонстрируется несостоятельность этих утверждений в рамках проповедуемой теории с последующей девальвацией не только этих утверждений, но и более широких теоретических воззрений оппонентов.

Пределы эффективности подобной критики и связанной с ней практики многократно обсуждались в литературе. Также показывалось, например, что верификационистские требования, выдвигавшиеся Карнапом, оказывались изначально невыполнимыми (Quine, 1951). Не так давно был сформулирован аргумент о том, что и та формально-лингвистическая критика хайдеггеровского рассуждения, которую предлагает Карнап, оказывается некорректной и опирается на эмпирически ложные основания (Вострикова, Куслий, 2019).

В данном комментарии я буду следовать стратегии неагрессивной дискуссии и попробую провести общее критическое обсуждение некоторых ключевых точек в концепции Хайдеггера в том виде, в котором ее

*Куслий Петр Сергеевич, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва), kusliy@iph.ras.ru, ORCID: 0000-0003-0205-6414.

**© Куслий, П. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 («Семантическая структура пропозициональных установок сознания»).

представляет в своей статье Александр Владиславович Михайловский, с точки зрения воззрений современного формально-лингвистического анализа, а именно я сосредоточусь на том, что Михайловский пишет относительно взглядов Хайдеггера на природу истины, и попробую не только возразить на его скепсис относительно корреспондентной теории истины, но и выявить важные параллели между его пониманием истины в терминах непотаенности и понятием общего основания (*common ground*) в современной лингвистической прагматике и формальной теории речевого общения.

Моей конечной целью здесь является попытка не только наметить те направления, по которым можно осуществить наведение мостов между уникальной концепцией Хайдеггера и современной аналитической философией, но и показать, как те сложные материи, которые Хайдеггер обсуждает при помощи довольно абстрактного терминологического аппарата, можно представить в более простом виде, обращаясь к уже существующим в современном языкознании формальным моделям.

1. ИСТИНА В ТЕРМИНАХ СООТВЕТСТВИЯ: КАК УМИРОТВОРИТЬ СКЕПСИС

Корреспондентная теория истины со времен Платона провозглашает, что истинно о вещах говорит тот, кто говорит о них в соответствии с тем, как они есть. Однако соответствие — это отношение между чем-то и чем-то. И для самой возможности установления наличия этого отношения между одним объектом и другим эти объекты нужно иметь или представлять хоть сколько-то однозначно. Иными словами, чтобы ставить вопрос о соответствии между одним и другим объектом, сначала надо определиться, о каких именно объектах идет речь. Выполнение именно этого условия нередко вызывало философские сомнения и споры: если мы говорим о том, соответствует ли некое рассуждение «реальности» или не соответствует, то мы исходим из того, что относительно релевантных свойств самой «реальности» у нас уже нет никаких вопросов. Но так ли это? Кто готов заявить о том, что у него есть, скажем так, достоверный эпистемический доступ к «реальности», чтобы ставить вопрос о соответствии ей тех или иных рассуждений? Ведь реальность — это зачастую не то, что мы думаем: и наш индивидуальный чувственный опыт, и наши научные теории могут нас обманывать. Нетривиальность ответа на вопрос о том, какова «реальность» (и можно ли вообще говорить о ней как о чем-то однозначном), в глазах многих философов была и остается фактором, подмывающим основы корреспондентной теории истины. Сторонники этой теории представляются в качестве людей,

занимающихся в некотором смысле самообманом — притворяющихся, что у них есть оба объекта, между которыми можно устанавливать наличие или отсутствие отношения соответствия, тогда как никаких двух объектов у них нет.

По-видимому, подобные сомнения беспокоят и Хайдеггера. А. В. Михайловский пишет:

Под подозрением оказывается мнимая самоочевидность [...]. Откуда мы знаем [...], что само собой разумеющееся действительно таково? Может ли нечто само собой разумеющееся служить гарантией истины?

Если это действительно сомнения такого рода, то они, надо понимать, автоматически переносятся и на семантическую версию корреспондентной концепции истины, которая обсуждалась Тарским в терминах *T*-схемы: согласно ней «предложение „Снег бел“ истинно тогда и только тогда, когда снег бел» (Тарский, Никифоров, 1998: 94).

Эта схема, с точки зрения скептика относительно корреспондентной теории истины, может представлять из себя либо банальное и практически бессодержательное утверждение, либо разновидность кругового определения. Банальной она является потому, что не сообщает нам ничего, что помогло бы узнать, когда именно, грубо говоря, снег бел, а соответствующее предложение истинно. Круговым утверждением она может восприниматься потому, что в этой схеме определяемое, как кажется, содержится в определяющем. Наличие кавычек в одной части *T*-схемы, но не в другой для такого скептически настроенного философа не дает хоть сколько-то значимого аргумента в защиту семантической корреспондентной теории истины или возможности удовлетворительно преодоления затруднений, связанных с банальностью *T*-схемы или угрозой круга в определении. Неудивительно, что скептически настроенный философ будет искать альтернативные пути для экспликации понятия истины.

Альтернативный путь, который выбирает Хайдеггер и обсуждает в рассматриваемой статье Михайловский, связан с экспликацией истины в терминах непотаенности. К обсуждению данной альтернативы с точки зрения семантики, опирающейся на корреспондентное понимание истины, мы еще вернемся. Здесь же рассмотрим некоторые аргументы о том, почему отказ от корреспондентной теории в силу обозначенных выше сомнений может оказаться несколько поспешным.

Формулируя свою *T*-схему, Тарский действительно обращает наше внимание на кавычки: когда мы говорим о предложениях, мы используем кавычки, когда мы говорим о предметах (например, материальных объектах), мы кавычки не используем. Имя «Иван» не тождественно индивиду Ивану, а является только лишь обозначением его. Предложение «Снег бел» тоже является знаком, который обозначает некий объект. Проведение четкого различия между именами (или знаками) и тем, что они обозначают, снимает угрозу круга. *T*-схема теперь представляется скорее как утверждение о том, что конкретный знак (предложение «Снег бел») является истинным (т. е. имеет такое свойство) при выполнении определенного условия в сфере объектов, их свойств и отношений (конкретно: при условии, что снег является белым).

Что насчет бессодержательности или банальности *T*-схемы? То, что *T*-схема не является такой уж банальной и бессодержательной, проще увидеть на примере ситуации, когда человек, не владеющий английским языком, пытается выбрать из набора данных ему английских предложений (представляющихся ему лишь наборами каких-то закорючек) те, которые обладают свойством И (т. е. истинные). И вот представим, что такой человек смотрит на предложение «Snow is white». Для него утверждение «Предложение „Snow is white“ обладает свойством И, если и только если снег бел» будет далеко не тривиальным, ведь для него слово «snow» ничего не сообщает и не вызывает в сознании представления о снеге. В этом отношении *T*-схема не является и банальной.

T-схема может показаться банальной лишь в том случае, когда и предложение в ее левой части, и предложение в ее правой части рассматриваются как предложения одного языка (в нашем случае — русского), что ведет к некоторой путанице, поскольку усложняет восприятие базового для семантики различия между объектным языком и метаязыком. У. Куайн объяснял это различие (а точнее — различие между употреблением и упоминанием термина) через знакомое нам всем правило расстановки кавычек: мы ставим кавычки, когда указываем на знак, а не на то, что он обозначает: «Бостон» состоит из шести букв, а Бостон не состоит из шести букв (ибо Бостон — это город); при этом «„Бостон“» состоит из шести букв, одной открывающей и одной закрывающей кавычки.

Приведенное выше рассмотрение показывает еще и то, что знаки тоже можно рассматривать как объекты. Знак *A* может сам по себе быть объектом наряду с объектом *A*. Мы берем, например, два объекта — *A* и «*A*» — и делаем относительно них следующее утверждение: «„*A*“ обозначает *A*». Однако для такого утверждения нам нужен универсум,

в котором будут объекты «А» и А, а также язык, в котором будут выражения, обозначающие эти объекты. Такой язык называется метаязыком. Утверждение «„А“ обозначает А» сформулировано на метаязыке, в котором то, что до глагола, обозначает выражение объектного языка, т. е. определенный знак, а то, что после глагола, обозначает объект.

Если в языке L есть, скажем, три имени (т. е. три знака): «А», «В» и «С», — которые обозначают (в силу интерпретирующей функции I) объекты А, В и С, составляющие некий универсум U , так что «А» обозначает А, «В» — В, а «С» — С, — то с помощью языка L обозначаются три конкретных объекта — А, В, С, — но знак «А», как самостоятельный объект, в языке L не обозначается: «А» не является элементом универсума U , а интерпретирующая функция I не сопоставляет с этим объектом ни одно из имен языка L . Таким образом, наличие в языке L выражения «А» еще не значит, что в этом языке можно указывать на объект «А».

Все это может выглядеть достаточно техническим, но оно, как мне представляется, имеет прямое отношение к вопросу о природе корреспондентной теории истины и необходимости поиска альтернативных подходов. Произносимые мной звуки [снег бел] одинаковы независимо от того, говорю я о предложении «Снег бел» или о том, что снег бел. Однако наши языковые интуиции, естественно, предполагают такое различие. Говорить о предметах и говорить о словах — разные вещи. Различие в условиях истинности предложений «Бостон — столица штата Массачусетс» и «„Бостон“ — столица штата Массачусетс» улавливается носителями русского языка без каких-либо разногласий. Таким образом, различие между уровнем объектов и уровнем знаков отражается в наших языковых интуициях. А формулировка семантической корреспондентной теории основывается на этом базовом различии, которое «вшито» в наше сознание и которое активно, когда мы думаем об истине и когда мы эти мысли выражаем в языке.

Это, как мне представляется, серьезный аргумент против того скепсиса, который отталкивает философов, в частности Хайдеггера (как он представлен в обсуждаемом тексте Михайловского), от понимания истины в терминах соответствия. Мы действительно можем менять наши представления о «реальности» и, как следствие, в разное время считать истинными разные предложения, но это само по себе не является угрозой для корреспондентного понимания истины. Покуда мы используем наше сознание и выражаем наши мысли в языке, мы

вряд ли сможем избавиться от приписывания истинности тем предложениям, содержание которых мы считаем соответствующим тому, что признается в качестве «реальности».

На это обращал внимание уже Фреге, подчеркивая, что при использовании обозначающих фраз автоматически предполагается наличие обозначаемого ими объекта. Это так в силу устройства нашего языка и сознания. Рассуждение об объектах и рассуждение о словах, представлениях и т. п. суть разные рассуждения. У них разные условия истинности в нашем языке. И это различие в условиях истинности — тот эмпирический базис, который наглядно доступен для любого носителя языка. Фреге пишет (Фреге, Бирюков, 2000: 233-234):

Со стороны идеалистов или скептиков наши рассуждения, вероятно, уже давно встретили такого рода возражение: «Ты говоришь здесь без дальнейших околнностей о Луне как некотором предмете; но откуда ты знаешь, что имя „Луна“ вообще имеет значение, откуда ты знаешь, что вообще что-либо имеет значение?» На это я отвечаю: наша задача состоит не в том, чтобы сказать нечто о нашем представлении о Луне; и мы не довольствуемся смыслом, когда говорим «Луна», — мы предполагаем значение. Допускать, что в предложении «Луна меньше Земли» речь идет о чем-либо представлении о Луне — значит совершенно исказить смысл. Если бы говорящий хотел это выразить, то он применил бы оборот «мое представление о Луне». Мы, конечно, можем заблуждаться в нашем предположении, и такие ошибки встречаются. Но вопрос в том, не ошибаемся ли мы всегда в этом предположении, может быть оставлен здесь без ответа; достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака [...].

Вопрос о том, сможем ли мы когда-либо перестать пересматривать наши взгляды и признаем ли тот или иной набор высказываний раз и навсегда истинным, нерелевантен для вопроса о природе истины, т. к. истина может пониматься в терминах соответствия как при положительном, так и при отрицательном ответе на этот вопрос. Иными словами, то, какие объекты существуют и в каких отношениях они состоят друг с другом, не является в прямом смысле ответом на вопрос о природе истины, хотя слово «истина» часто употребляют как синоним термина «реальность». В логической семантике истина (наряду с ложью) является абстрактным объектом, который служит денотатом повествовательного предложения. Данный взгляд на природу истины, как известно, тоже восходит к Г. Фреге. Но в предметности истины у Фреге нет ничего содержательного. Истина — это простой объект

(И), являющийся денотатом всех предложений, условия истинности которых выполняются. Условия истинности задаются как раз такими утверждениями, как приведенная выше *T*-схема, но в них «истинно» понимается как «обозначает И».

2. ИСТИНА КАК НЕПОТАЕННОСТЬ И ПОНЯТИЕ COMMON GROUND

Обратимся теперь к истине, понимаемой как непотаенность или несокрытость, которая, как указывает Михайловский, представляется Хайдеггеру в качестве иллюстрации иного «опыта человеческого существования» и отражает то, как греки понимали истину. Здесь мы сразу видим изменение подхода к пониманию термина «истина». Насколько можно понять, истина здесь уже истолковывается даже не столько в онтологическом, сколько в процессуальном смысле: «...концепция истины как несокрытости получает логическое продолжение в сигетике», т. е. «искусстве молчания» (Михайловский, 2022). Истина — это то, что не сокрыто, и то, что проявляется в молчании. И именно из молчания происходит речь и язык: «Осмысление языка выявляет молчание как базовую структуру открытости» (там же).

Разумеется, все эти пассажи могут показаться примерами спекуляций, осуществляемых на крайне абстрактном уровне, и это только усложняет понимание того, что имеется в виду. Так, например, Михайловский указывает, что «эзотерическая инициатива», как способ познания истины, может пониматься мистически. Но даже и без философской мистики рассуждения о пребывании человека в «открытости бытия» или в «состоянии интенсивного бытия-в» представляются малопонятными.

Однако, как мне думается, суть этих рассуждений можно передать и в более однозначных терминах, и я постараюсь здесь осуществить попытку такой передачи или, по крайней мере, указать, в каком направлении такой перевод можно попробовать отыскать. Речь пойдет о формулировке темы истины как непотаенности в языке современной формальной философии языка. Сразу оговорюсь, что в мои задачи не входит схватывание всего богатства смыслов и их оттенков, которые могут содержаться в концепции Хайдеггера. Я лишь попытаюсь указать на некоторые явные, на мой взгляд, параллели между тем, как концепция Хайдеггера представляется Михайловским, и тем, как о сходных проблемах говорит современная лингвистическая теория.

О каком молчании идет речь? Михайловский дает важное пояснение, согласно которому молчать в нужном смысле может только тот, кому есть, что сказать. Разумеется, данное понимание слова «молчать»

(при котором оно синонимично слову «умалчивать» и словосочетанию «воздерживаться от упоминания») вовсе не единственное возможное в русском языке (и, видимо, даже не основное): молчать можно и когда просто нечего сказать, равно как и вследствие отсутствия физической возможности говорить или даже думать. Поэтому молчать может и несведущий, и зомби, и камень. Более того, молчание в обсуждаемом смысле возможно только при наличии речи: здесь подразумевается умалчивание во время активного обсуждения. Михайловский пишет: «...умалчиваемое не высказывается прямо, но косвенно проявляется в говоримом» (Михайловский, 2022).

Мне представляется интересным сопоставить данные рассуждения с содержанием некоторых классических работ по лингвистической прагматике, в частности с принципом кооперации П. Грайса (Грайс, Туrowsкий, 1985) и теорией утверждения и пресуппозиции Р. Сталнакера (Stalnaker, 1978).

Грайс, развивая идеи оксфордской лингвистической философии, показал, что многие эффекты, связываемые контекстуально со значением некоторых языковых выражений, можно выразить не через их семантическое содержание, а через апелляцию к контексту их употребления. С этим связана его теория речевых импликатур, или отменяемых, но контекстуально подразумеваемых следствий тех или иных утверждений. Когда, допустим, в рекомендательном письме студенту профессор пишет, что у студента хороший почерк и студент никогда не опаздывает (и при этом профессор больше ничего не добавляет), такое рекомендательное письмо нельзя назвать положительным, хотя оно и не содержит ничего, кроме перечисления достоинств студента. Вывод о том, что профессор не рекомендует этого студента, называется речевой импликатурой, которая является следствием того, что при составлении письма рекомендатель нарушает определенные законы речевого общения, образующие так называемый принцип кооперации Грайса. Одним из таких принципов является максима релевантности, которая гласит: «Говори по сути вопроса!» Профессор нарушает эту максиму, перечисляя нерелевантные для контекста рекомендательного письма характеристики студента. Тот, кто будет читать это письмо, заметив это, будет рассуждать примерно следующим образом: релевантным для такого письма было бы упоминание ряда конкретных характеристик, однако они здесь не упоминаются, а вместо них перечисляются другие в нарушение максимы релевантности. Если исходить из того, что автор рекомендации все еще пытается соблюдать кооперативность в общении, то его нарушение

этой максимы означает то, что он делает это для какой-то коммуникативной цели: ему нечего сказать по поводу релевантных характеристик студента. Следовательно, он его не рекомендует.

Разумеется, Грайс представляет свою теорию имплицатур более обстоятельно, чем обозначено выше. И хотя имплицатуры тоже являются непроизносимым компонентом значения, для нас в этом примере важно скорее то, что контекстуально подразумеваемое, но явно не проговариваемое, тогда как по факту проговаривается нечто другое, оказывается коммуникативно значимым в данной ситуации. То, о чем рекомендатель решает умолчать, становится для адресата наиболее значимым и считается им именно в силу наличия некоторого общего подразумеваемого, т. е. того, что в данной ситуации является релевантным (некоего коммуникативного бэкграунда, общего для автора рекомендации и ее адресата).

Тема общего подразумеваемого, обозначенная Грайсом, нашла и более четкую формулировку в понятии *common ground* у Р. Сталнакера в его модели речевого общения. Почему, скажем, в большинстве диалогов говорить, что $2 + 2 = 4$, — это странно? Такое заявление не является коммуникативно успешным и рассматривается участниками диалога как аномальное, потому что все это знают и подразумевают (не говоря уже о том, что оно в большинстве случаев в принципе нерелевантно). Любое общение, согласно модели Сталнакера, подразумевает наличие набора утверждений, принимаемых всеми участниками общения (т. е. утверждений, которые считаются всеми участниками общения истинными). Именно его Сталнакер называет общей основой (*common ground*), и представлена эта общая основа набором пропозиций, которые участники считают истинными. Обстоятельство, что $2 + 2 = 4$, является очень простым примером такой истины, которая принимается всеми участниками общения в большинстве случаев. Но есть и более индивидуальные случаи. Как бы то ни было, общение, согласно модели Сталнакера, прогрессирует, когда участники сообщают друг другу что-то новое, т. е. нечто, что еще больше уточняет уже имеющуюся информацию.

Для нас здесь важно следующее: утверждать нечто, что уже и так принимается в качестве истинного всеми участниками общения, некорректно. Подобные утверждения не добавляют нового знания и поэтому

являются дискурсивно девиантными (аномальными). Именно вследствие этого их обычно и не произносят¹.

Вернемся к Хайдеггеру, который говорит нам о том, что истина, проявляемая в умалчивании, иллюстрирует иной способ человеческого существования. Это очень похоже на те закономерности, которые я здесь обозначил со ссылкой на Грайса и Сталнакера. В речевом общении не утверждают того, что все уже и так подразумевают, но именно оно и является тем, что всем уже дано в качестве истинного (т. е. что изначально рассматривается как истинное). И прагматика, как я уже сказал выше, дополняет, а не заменяет семантику, представляя если и не альтернативный способ человеческого существования, то уж точно альтернативный способ транслирования содержания в коммуникации: предмет изучения лингвистической прагматики — это соотношение между знаком и контекстом (его употребления), тогда как семантика исследует соотношение между знаком и обозначаемым.

Если данная параллель возможна, то некоторые из следствий хайдеггеровского понимания истины как непотаенности, которые обсуждает Михайловский во второй половине статьи, также могут быть выразимы в терминах формальной лингвистической теории. Предложу следующую спекуляцию: хайдеггеровская защита малых сообществ посвященных и в университете, и, вероятно, в политике может быть представлена как указание на то, что подлинное развитие (установление тонких различий и т. п.) возможно только в контекстах, где участники исследования согласны друг с другом по широкому кругу контекстно релевантных вопросов и могут уточнять и изучать важные нюансы, не впадая постоянно в необходимость обосновывать базовые элементы своей позиции. Если так, то публичность, которой противостоял Хайдеггер и о которой пишет Михайловский, действительно будет размывать ту общую основу (*common ground*), которую может иметь конкретное профессиональное сообщество единомышленников, поскольку она будет ставить под сомнение конкретные утверждения, входящие в общую основу, и тем самым обеднять ее.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробую подвести предварительные итоги. Во-первых, отказ от понимания истины в терминах соответствия может быть вызван скепсисом,

¹Для более подробного обсуждения понятия *common ground* см., например, одноименную статью Р. Сталнакера (Stalnaker, 2002).

который не в полной мере релевантен вопросу о природе истины. Языковые интуиции носителей языка относительно различия между уровнем обозначаемого и обозначающего представляют собой неэлиминируемую эмпирическую базу, на которую опирается корреспондентная теория. Поэтому отказаться от рассмотрения истины в терминах соответствия практически невозможно. Во-вторых, непотаенность истины, которую обсуждает Хайдеггер, может быть рассмотрена как самобытная версия общей основы (common ground), о которой писал Р. Сталнакер и которая анализируется в современных концепциях речевого общения в качестве необходимого элемента речевой коммуникации. При таком ее рассмотрении «непроговариваемость» этой истины при ее одновременной доступности для посвященных (т. е. участников коммуникации) перестает представляться чем-то абстрактным и малопонятным. В-третьих, те следствия, которые Хайдеггер, по словам Михайловского, выводит из своего понимания истины, по-видимому, выводимы и из сталнакеровской модели коммуникации. Чем шире общая основа коммуникации, тем более тонкие различия могут проводиться участниками коммуникации и тем более точные утверждения могут делаться. Это следствие само по себе может быть доводом в пользу идеи о том, что по-настоящему значимые результаты могут получать только сравнительно небольшие исследовательские сообщества компетентных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Вострикова Е. В., Куслий П. С.* Преодоление критических аргументов Карнапа против метафизики с помощью логического анализа естественного языка // Эпистемология и философия науки. — 2019. — Т. 56, № 4. — С. 78–98.
- Грайс Г. П.* Логика и речевое общение / пер. с англ. В. В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Е. В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–238.
- Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / пер. с нем. А. В. Кезиным // Аналитическая философия: становления и развитие / под ред. А. Ф. Грязнова. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 69–90.
- Михайловский А. В.* Что дает концепция истины Мартина Хайдеггера для понимания познания и политики // Философия: Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 1.
- Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики / пер. с англ. А. Л. Никифорова // Аналитическая философия: становления и раз-

- витие / под ред. А. Ф. Грязнова. — М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 90–129.
- Frege Г. О смысле и значении / пер. с нем. Б. В. Бирюкова // *Логика и логическая семантика* / пер. Б. В. Бирюкова. — М. : Аспект Пресс, 2000. — С. 230–246.
- Quine W. Main Trends in Recent Philosophy : Two Dogmas of Empiricism // *The Philosophical Review*. — 1951. — Vol. 60, no. 1. — P. 20–43.
- Stalnaker R. Assertion // *Syntax and Semantics*. — 1978. — No. 9. — P. 315–332.
- Stalnaker R. Common Ground // *Linguistics and Philosophy*. — 2002. — No. 205. — P. 701–721.

Kusliy, P. S. 2022. "Istina kak sootvet-stviye i nepotayennost' bez samoobmana i mistiki [Truth as Correspondence and Unconcealment without Self-Deception or Mysticism]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 308–320.

PETR KUSLIY

RESEARCHER

INTERREGIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATION

"RUSSIAN SOCIETY FOR HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE" (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-0205-6414

TRUTH AS CORRESPONDENCE AND UNCONCEALMENT WITHOUT SELF-DECEPTION OR MYSTICISM

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-308-320.

REFERENCES

- Carnap, R. 1998. "Preodoleniye metafiziki logicheskim analizom yazyka [Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache]" [in Russian]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovleniya i razvitiye [Analytic Philosophy: Reader]*, ed. by A. F. Gryaznov, trans. from the German by A. V. Kezin, 69–90. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi / Progress-Traditsiya.
- Frege, F. L. G. 2000. "O smysle i znachenii [Über Sinn und Bedeutung]" [in Russian]. In *Logika i logicheskaya semantika [Logic and Logical semantics]*, trans. from the German by B. V. Biryukov, 230–246. Moskva [Moscow]: Aspekt Press.
- Grice, H. P. 1985. "Logika i rechevoye obshcheniye [Logic and Conversation]" [in Russian]. In *Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics]*, ed. by Ye. V. Paducheva, trans. from the English by V. V. Turovskiy, 217–238. Moskva [Moscow]: Progress.
- Mikhaylovskiy, A. V. 2022. "Chto dayet kontseptsiya istiny Martina Khaydeggera dlya ponimaniya poznaniya i politiki [How Does Martin Heidegger's Concept of Truth Create a Better Understanding of Knowledge and Politics]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1).
- Quine, W. 1951. "Main Trends in Recent Philosophy: Two Dogmas of Empiricism." *The Philosophical Review* 60 (1): 20–43.
- Stalnaker, R. 1978. "Assertion." *Syntax and Semantics*, no. 9: 315–332.

———. 2002. “Common Ground.” *Linguistics and Philosophy*, no. 205: 701–721.

Tarski, A. 1998. “Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [The Semantic Conception of Truth and the Foundation of Semantics]” [in Russian]. In *Analiticheskaya filosofiya: stanovleniya i razvitiye [Analytic Philosophy: Reader]*, ed. by A. F. Gryaznov, trans. from the English by A. L. Nikiforov, 90–129. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi / Progress-Traditsiya.

Vostrikova, Ye. V., and P. S. Kusliy. 2019. “Preodoleniye kriticheskikh argumentov Karnapa protiv metafiziki s pomoshch'yu logicheskogo analiza yestestvennogo yazyka [Overcoming Carnap's Critical Arguments against Metaphysics with the Help of Logical Analysis of Natural Language]” [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 56 (4): 78–98.